

о сделано?

В ПОВЕСТКЕ — СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

дума профсоюзного комитета комбината, на котором рассмотрен вопрос «Закон конуса».

За быстрое и эффективное проведение ремонтных работ 1, 2 выделено автомобилей. На профкома, что выделено автомобилей в счет членства по письменному заявлению, в том числе Н. Богданову. Членство в профкоме по инициативе работников комбината.

фликты, жалобы, приводит к социальной напряженности в коллективах.

Члены президиума профкома в своем постановлении указали, что вместе с достоверной информацией и неоспоримыми фактами по отдельным вопросам в статье напечатаны и непроверенные факты.

Признав публикацию «Закон конуса» по отдельным вопросам справедливой, президиум профсоюзного комитета комбината постановляет:

1. Заместителю председателя профкома т. Некерова П. В., и о начальника УПТНПиУ т. Грищенко В. Ф., редактору газеты «Магнитогорский металл» т. Подольскому А. В. разработать систему доведения до трудящихся информации о распределении товаров повышенного спроса по производственным цехам через газету «Магнитогорский металл». Срок — до 01.06.91.

2. Рекомендовать комиссии по распределению товаров повышенного спроса исключить случаи передачи части товаров на распределение в другие общественные организации (женсовет, комиссии профкома).

3. Председателю комиссии профсоюзного комитета по социальному развитию т. Некерова П. В., и о начальника УПТНПиУ т. Грищенко В. Ф. осуществлять контроль за распределением товаров в цехах и производствах, согласно численности и пропорцио-

нально социальной структуре трудовых коллективов (рабочие, ИТР, ветераны, молодежь и т. д.).

4. Редактору газеты «Магнитогорский металл» т. Подольскому А. В. при подготовке и публикации материалов осуществлять контроль за достоверностью изложенных фактов.

5. Председателям цеховых комитетов профсоюза постоянно доводить информацию о поступлении и распределении товаров до сведения трудящихся через сменнo-встречные собрания и «Листки гласности».

6. Начальнику УМТС т. Фарафонову В. М. распределение и отпуск особо дефицитных товаров, поступающих по прямым договорам (холодильники, телевизоры, авторезина, магнитофоны, стиральные машины, пылесосы, одежда и др.) производить в строгом соответствии с существующим на комбинате «Положением о порядке распределения и реализации промышленных товаров повышенного спроса на комбинате» и предупредить его о персональной ответственности за невыполнение вышеуказанного Положения.

7. За отсутствие должного контроля и принятия достаточных мер по улучшению гласности в распределении дефицитных товаров в цехах и производствах комбината заместителю председателя профкома т. Некерова П. В. объявить замечание.

(Начало в № 59—62)

К огорчению «верхов», в данном случае он не сработал. Т. Гдяня категорически отказался от подобного выдвижения и на всех уровнях заявил: «Я принципы на кресло не меняю» (Кстати, когда через 7 месяцев на него навесят ярлык «политического карьериста», об этом факте будут упорно умалчивать). «Свято место пусто не бывает». И вскоре прокурором Армении был назначен уже свой, «проверенный» аппаратом человек...

IX

А конфронтация с руководством шла своим чередом. На нас усиливалось давление, принуждая к выполнению незаконного решения Политбюро, мы решительно этому противостояли, но при этом обе стороны не переходили ту опасную грань, за которой бы разразился публичный скандал. Он был невыгоден никому: ни ЦК, ни Сухареву, ни нам. Мы еще не теряли надежды отстоять дело, не допустить его разгрома. Например, будучи вынужденными передать вновь сформированной следственной группе (или, как мы ее называли «группе Политбюро») копии документов, тут же обратились не к обществу, а... в партком прокуратуры с требованием созыва партийного собрания и разъяснения коллегам сути конфликта. Двумя группами выехали и в Узбекистан на задержание И. Усманходжаева, А. Салимова, И. Джаббарова, Н. Ражабова. Да, именно на «задержание в качестве подозреваемых», ибо вынесенные нами в соответствии с требованиями УПК «постановления о заключении под стражу» были А. Сухаревым отвергнуты. «Но ведь это же незаконно!», — воскликнет любой юрист, даже еще студент. Конечно, незаконно, но... так решили в ЦК. В результате четверых ответственных «сановников» (из них трое входили в состав ЦК КПСС, а двое подследственных являлись действующими первыми секретарями обкомов) как мелких хулиганов лишили свободы на основании «протоколов о задержании» и, опять же в нарушение действующего законодательства, вместо ИВС (бывшее КПЗ), поместили в тюрьму.

Дальше — больше. Как из рога изобилия исходили от А. Сухарева указания, которые попирали действующее законодательство. У нас в производстве находится дело, а нам запрещают выносить от своего имени официальные постановления, допрашивать обвиняемых, организовывать работу подчиненных. К каждому члену группы, работающему в следственном изоляторе, в качестве «поясного» был приставлен работник КГБ, чтобы вовремя докладывать В. Крючкову о показаниях подследственных, о том, как выполняет указания ЦК его коллеги А. Сухарев. А кому из следователей приходилось получать от прокурора письменное разрешение на каждый допрос обвиняемого, привлеченного к уголовной ответственности по расследуемому им делу? «Чушь какая-то, так же не бывает», — возразят наши коллеги с разных уголков страны и будут неправы. Заместитель Генерального прокурора А. Васильев, более полугодом незаконно подписывавший по указанию «шефа» такие разовые разрешения, подтвердит вам это и заодно растолкует, чем отличается «надзор за законностью» от «высшего надзора» в стенах Прокуратуры СССР. Впрочем, стоит ли удивляться? Для вышколенного за годы комсомольско-партийной работы Генерального прокурора туманное понятие о какой-то там «законности» и в большом и в малом воспринималось лишь через призму выполнения руководящих указаний и прихотей, исходящих с Олимпа власти.

Какого страшно напряжения воли, нервов стоило нам перенести все эти издевательства, унижения, произвол беззакония и не сорваться, выстоять. Мы оказались сильнее и... победили. Убедившись в нашей непримиримости, учитывая вероятность

крупного скандала и считая его преждевременным, покровители мафии пошли на уступки. «Синее гнездо» на Лубянке в виде вновь созданной следственной группы было ликвидировано. Не допустив расчленения дела, отстояв его целостность и единую следственную группу, мы выиграли в главном. Решение Политбюро фактически оказалось невыполненным! Но ради этой победы нам также пришлось идти на некоторые компромиссы. Самым неприятным среди них было то, что пришлось включить в состав сплоченной следственной группы, состоящей из следователей прокуратуры и МВД, «чужеродное тело» — работников КГБ во главе с теперь уже печально известным полковником А. Духаниным. Произошло внедрение в нашу крепость «трынского коня», а выходящие из этого чрева «иудушки» постепенно и методично начали вредить расследованию, разлагать коллектив с тем, чтобы в нужный момент (а он наступил через полгода) выступить уже открыто.

Временная победа вовсе не означала, что нас оставили в покое. После скандала на XIX партконференции с разных сторон ставились «палки в колеса», план на ослабление и компрометацию следственной группы последовательно осуществлялся по ряду направлений. И очередной сильный удар готовился в Верховном суде СССР, куда летом 1988 г. мы направили расследованное нами дело в отношении ряда генералов МВД во главе с зятем Л. Брежнева — Юрием Чурбановым. Член ЦК КПСС, Председатель высшего судебного ведомства В. Тербилов всегда четко ориентировался в настроениях «верхов» и не нуждался в подробном инструктаже. Тем более, что у него был и свой «интерес». Приятель Ш. Рашидова, И. Усманходжаева и других ответственных коррупционеров, многолетний депутат Верховного Совета СССР от Узбекистана имел основания опасаться продолжения и углубления следствия. Конечно, он знал, что должностные лица его уровня не привлекались ранее к уголовной ответственности, и все же...

Нет смысла подробно напоминать обо всех «чуждесах» и «случайностях», которые под неусыпным контролем В. Тербилова происходили позднее в Военной коллегии Верховного суда СССР до начала слушаний, на судебном процессе и после его окончания. Председательствующим по рассмотрению дела «случайно» оказался генерал-майор М. Маров, на протяжении ряда лет проходивший службу... в Узбекистане и лично знакомый с отдельными подсудимыми... «Случайно» судьи не опросили даже половины свидетелей... «Чудесным образом» к делу приобщались «липовые» справки, а предъявленные для просмотра видеоматериалы были фактически отвергнуты... и т. д. и т. п. В своей совокупности все эти обстоятельства свидетельствовали о тенденциозности и необъективности процесса, его направленности на компрометацию следствия и максимальное смягчение ответственности (а, по возможности, и реабилитацию) попавших в беду «товарищей по партии».

Однако ввиду отсутствия информации об этих фактах, провозглашенный в конце декабря 1988 г. приговор прозвучал для многих как «гром среди ясного неба». Совсем недавно наши сограждане слышали заверения о бескомпромиссной борьбе с коррупцией, доказанности рассматриваемого в суде дела, положительные отзывы по поводу деятельности следственной группы и... такой финал. Почти две трети представленных в суд доказательств похода отвергнуты, двое подсудимых освобождены в зале суда и фактически реабилитированы (кстати, если их фамилии мало что говорили стране, то бывшего министра внутренних дел и «правую руку» Ш. Рашидова — Х. Яхьяева и заместителя министра Т. Кахраманова в Узбекистане многие знали как матерых взяточников, и людям было за-

бавно слышать об их вдруг обнаружившейся «честности»). Остальные лица были все же осуждены к различным срокам лишения свободы, но при этом большие меры наказания получили те, кто давал правдивые показания и раскаивался в содеянном. Ставился вопрос даже об оправдании Ю. Чурбанова, но в последний момент «судьи из ЦК КПСС», стоящие спиной М. Марову, не решились пойти на этот шаг. Вместе с тем объем его обвинения был искусственно уменьшен во много раз и зять Л. Брежнева фактически отделался «легким испугом», имея реальный шанс в ближайшем будущем оказаться на свободе.

С этим несправедливым приговором Верховного суда СССР, позорным образцом «партийного правосудия», необоснованным ни в юридическом, ни в нравственно-этическом отношении, мы и вступили в 1989 год. До начала открытого разгрома дела о коррупции оставалось немногим более трех месяцев. У наших противников появился очередной «козырь» для публичной компрометации деятельности следственной группы. Но использовать его можно было лишь при условии, что общественность, которая с нескрываемым подвождением восприняла этот «акт правосудия», будет находиться в неведении о творимом в судебном процессе производе.

С начала января 1989 г. в телерадиопередачах, газетах и журналах стали появляться заказные сообщения и статьи, где, во-первых, приговор Военной коллегии преподносился в качестве эталона объективности и законности, а, во-вторых, в той или иной мере утверждалось о некомпетентности следственной группы, недопустимом вмешательстве ее руководителей в сферу правосудия, о «незаконных методах» и «нарушениях законности» при расследовании дела Ю. Чурбанова и связанных с ним лиц. (Кстати, в соответствии с требованиями УПК, в случае выявления подобных нарушений суд обязан вынести и огласить частное определение в адрес следствия. В данном же случае определения не было, М. Маров не сумел найти оснований для его вынесения. Восполняя этот пробел и игнорируя столь «странное» обстоятельство, некоторые работники Верховного суда СССР, адвокаты, писатели и журналисты успешно «создавали» факты «незаконных методов» и «нарушений законности» в своих комментариях и интерпретациях отдельных эпизодов процесса).

В свою очередь, наши попытки дать объективный анализ происходящего, ответить на резкие нападки также публично и в столь же широкой аудитории, встречали все более жесткий отпор. В последний момент снимались из номера уже подписанные к печати статьи и интервью, а журналисты при встрече опускали глаза и объясняли, что публиковать правду о процессе по делу Ю. Чурбанова им «не рекомендовано». По команде из ЦК в большинстве редакций центральных средств массовой информации были установлены цензурные ограничения лишь на наши выступления по поводу этой «запретной темы». На наших же оппонентов данные ограничения не распространялись.

Вспоминаю, как по этому поводу Т. Гдяня и меня вызвали в печально известное здание на Старой площади на «профилактическую беседу». В кабинете «куратора» правовой сферы В. Чебрикова находились также А. Лукьянов, А. Сухарев, В. Крючков, В. Бакагин и другие высшие чины страны. Председатель Верховного суда В. Тербилов, сказавшись «больным», прислал своего первого заместителя С. Гусева. Профбеседа носила характер шантажа (пока еще в относительно интеллигентной форме) с целью побудить нас к локализации и скорейшему завершению дела, а главное — запретить разоблачения и апелляции к общественному мнению...

(Продолжение следует)

Н. ИВАНОВ

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

а) пользуется хорошей репутацией. Во многом это обусловлено тем, что специалисты центра, как зубной техник Любовь